ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Из истории немецкого мировоззрения

DOI 10.15826/koinon.2021.02.3.030
УДК 821.112.2:141.32 + 111.11 + 316.7

И. В. ГЁТЕ: ПУТЬ ЖИЗНИ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

А. В. Перцев

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Возможно ли сегодня в рамках истории философии реконструировать жизненный путь кого-то из философов, прибегая к рецептам последующих исследователей — в особенности тогда, когда эти последователи творили на пару веков спустя после того, кто должен быть описан с их помощью? Сегодня в гуманитарных дисциплинах доминирует эмпиризм: плоские факты схватываются в широких масштабах и суммируются в бытовые пространства, а итоги верны только Здесь и Сейчас. Так пишутся биографии «больших масс». Но есть и гении, которые живут «наособицу» — не полагаясь на стандарты, не укладываясь на плоскость, по своей воле разворачивая свою жизнь назад, поднимаясь над суетой. В какой мере можно описать этот путь в манере экзистенциализма — при движении от неподлинного существования к пограничным ситуациям и, далее, к подлинному существованию, которое так и не было построено должным образом?

Ключевые слова: поиски экзистенциализма, неподлинное и подлинное существование, пограничные ситуации, заимствование из индийской культуры в творчестве И. В. Гёте.

Для цитирования: Перцев А. В. И. В. Гёте: путь жизни и философия искусства // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 109–127. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.030

J. W. GOETHE: THE WAY OF LIFE AND PHILOSOPHY OF ART

A. V. Pertsev

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: Is it possible today, within the framework of the history of philosophy, to reconstruct the life path of one of the philosophers, resorting to the recipes of subsequent researchers — especially when these followers did their creative works a couple of centuries after those who they should describe? Today empiricism dominates in the humanities: flat facts are grasped on a large scale and summed up in everyday spaces, and the results are correct only here and now. It is the way to write the biographies of the “big masses”. But some geniuses — those who live “in isolation” — not relying on standards, not laying flat, unwillingly turning their lives back, rising above the bustle. To what extent can one describe this path in the manner of existentialism — moving from inauthentic existence to borderline situations and, further, to genuine existence, which was never properly built?

Keywords: the search for existentialism, inauthentic and genuine existence, borderline situations, borrowing from Indian culture in the work of J. V. Goethe.

For citation: Pertsev, A. V. (2021), “J. W. Goethe: The Way of Life and Philosophy of Art”, *Koinon*, vol. 2, no. 3, pp. 109–127 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.030

Собрание сочинений Иоганна Вольфганга Гете (1749–1832) насчитывает 150 томов, но ни одно из этих сочинений нельзя безоговорочно отнести к числу философских. Сам он ни одну из своих книг как философскую не выделял. Его душеприказчики Иоганн Петер Эккерман и Фридрих Вильгельм Риммер уже после смерти гения составили сборник его высказываний по вопросам философии, теологии, эстетики, заботливо собрав их из опубликованных произведений и рукописей. Всего получилось 1390 афоризмов разной степени глубины (последний, 1390-й, гласит: «Самый малый волосок отбрасывает свою тень») [Goethe 2008, s. 252].

Учитывая, что сегодня в историко-философских исследованиях наступил период эмпиристских описаний и беглых «лозунгов», мы продолжаем

надеяться, что сегодняшние ученые помогут нам как с теоретической периодизацией биографии И. В. Гёте, так и с пониманием философии его искусства¹.

Всякого рода упорядочение биографии мыслителя прошлого имеет свой характер. До сих пор в нашей литературе превалирует количественный стиль, при котором проводится прямая, которая лежит на листе, и потом на ней рисуются «этапы» — первый, второй, третий и так далее. Нет никаких возвращений назад, никаких изгибов на этой линии. Всё представление о смысле жизни человека весьма упрощается: движение — только вперед, на одном уровне, объем — чисто количественный, ускоренный, возносящий к небесам.

Нам, однако, более близка хайдеггеровская концепция биографии. Она основана на том, что человек начинает с бездумного следования предписанной ему биографии: родители, воспитатели и прочие организаторы его бытия используют кнуты и пряники, чтобы показать: то, чему мы тебя выучили, и есть подлинный твой путь. На первом этапе человек принимает это. Но на втором этапе у него начинает нарастать бунт: это существование не есть мое, оно есть чужое существование во мне. Вернее, оно только предстает мне своим, следуя *das Man*, общепринятому во мне. Но постепенно человек начинает сопротивляться диктату внутренних чувств и привычек. Он проходит все пограничные ситуации протеста — и в нем торжествует бунт непослушания.

У М. Хайдеггера эта линия доводится до конца: он «бросается в бездну», доводя свое существование до его истока. И тут ему открывается второй исток его бытия — отказ от махинативности бытия, от склонности к эффективному и эффектному. Западная метафизика лишь обосновывала неподлинность пути — вначале гегелевская власть разума, воплощенная в государстве, затем — шопенгауэровская Воля, которая непредсказуема, затем — ницшеанская «воля к любой индивидуальной мощи», затем — универсальная «воля к воле» О. Шпенглера. Мир совершенно утрачивает смысл. Человек может и должен отвергнуть в себе стремление жить в этом бессмысленном мире. Он заходит в своем стремлении к истоку бытия за это первое начало и обнаруживает за ним второе, где индустриализм еще уравновешен творчеством и поэзией [Heidegger 2009, s. 79–98, 115–117, 211–215, 288–293].

Подход к биографии уже есть: на первом этапе уверенность человека, заимствованная у других, начинает изменять ему — и приводит к изменам выбранному другими. На втором этапе он формирует свой собственный взгляд на мир — пусть даже всем прочим это кажется преступлением против собственного разума. Это — бунт. На третьем этапе человек либо кончает с собой — или, наоборот, находит псевдовыход: он будет служить государству,

¹ Напротив, антифилософские систематизации биографии И. В. Гёте продолжают развиваться и даже полны задора (см.: [Bollmann 2021; Brendel 2020; Knebel, Maul, Schmuck 2019]).

выполняя на протяжении 50 лет его немилые рекомендации, но зато порой, иногда, изредка, будет ускользать в подлинные, собственные секундные фантазии.

Так и возникает мысль И. В. Гёте: *всякая жизнь, в которой есть несколько секунд счастья, оправдана.*

И. В. Гёте высказал в «Фаусте» мысль, которая — в переводе Б. Л. Пастернака — звучит так:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идёт на бой.

Другое выражение ее представляет строка из договора между Фаустом и Мефистофелем: сатана должен был забрать в свое владение душу мыслителя, как только тот скажет: «Werd ich zum Augenblicke sagen: Verweile doch! Du bist so schoen!» (В переводе Н. Холодковского (1878) «Прекрасно ты, продлись, постой!»; в переводе А. Фета (1882–1888) «Когда воскликну я мгновенью: «Остановись! Прекрасно ты!»; в переводе В. Брюсова (1919–1920) «Тогда, когда скажу мгновенью: Помедли! так прекрасно ты»; в переводе Б. Пастернака (1949–1951) «...Мгновенье! О как прекрасно ты, повремени!»)

Фауст и Мефистофель — это не антитеза противоположного. Это — сам И. В. Гёте. Именно он объединял в себе жизнь и смерть. В биографиях И. В. Гёте сообщалось, что появился на этот свет он полумертвым, в асфиксии. Ему потребовался долгий массаж повитухи, чтобы он, наконец, решился жить. И в «Фаусте» его герой есть всего лишь игрушка сатаны — он сам не желает жить, пытаясь примкнуть к «научной теории», которая «мертвит», а Мефистофель увлекает его к живому дереву познания, показывая, как тут все ново и интересно. Но после некоторых увлечений новым из жизни Фауст с грустью замечает, что они всего лишь систематизируются разумом, превращаясь в тягло.

В сущности, такая романтическая картина и выставляется у И. В. Гёте и у его соратников по «штюрму и дрангу». Их жизнь протекает в мире Природы, который не согласуется с противоречиями общественного устройства. Сторонник «штюрма и дранга», простирая свои природные способности к простой жизни вовне, натывается на некое подобие темного леса — подобное тому, в окружение которого попал герой Данте. Теперь перед ним открывается несколько выходов. Либо он деятельно восстает против лесной враждебной тьмы (И. В. Гёте говорил, что в Библии не Слово предшествует всему, а Дело), либо он в смятении кончает с собой, выбирая лучший мир, либо он проходит его не в жизни, а в произведении — от Ада до Небес, либо возглавляет народное восстание.

Но есть и еще один вариант, представленный И. В. Гёте: становясь политиком-просветителем, автор сам (при содействии властей) выстраивает вокруг себя прекрасный мир культуры — в данном городе, в данном месте,

в предлагаемых обстоятельствах. Он, как может, сглаживает недостатки прошлого — и в то же время организует моменты, которые позволяют ему почувствовать нечто, подобное счастью. Весь вопрос заключается в том, насколько долго судьба позволит чувствовать это счастье. Час? Месяц? Или день?

В принципе, вся биография И. В. Гёте была посвящена прохождению этих ступеней к счастью — при тяжелом гнете смерти и болезней.

Первый, «чуждый» период жизни И. В. Гёте начинается в детстве и заканчивается возвращением домой, во Франкфурт-на-Майне — из города Лейпцига, где он учился на факультете права (1765–1768).

Мы уже упоминали о том, что его, новорожденного младенца, только энергичный массаж повитухи вывел из состояния Неживого Ничто. Правда, ненадолго. Судя по запискам и сочинениям И. В. Гёте, вся его жизнь была смертельным сражением с болезнями: он боролся с корью, ветрянкой, ларингитом, ринитом, тонзиллитом, расстройством желудка, ревматизмом, головными болями, приступами головокружения, опоясывающим лишаем, стенокардией, ретинитом, воспалением легких, расстройством кровообращения, менингитом, перикардитом, почечными коликами и сильными зубными болями. (И это — не считая бытовых случаев угрозы жизни вроде аварии кареты.) К тому же, И. В. Гёте обладал характером, который заставлял обостренно чувствовать «жизненные неприятности»: он был ипохондриком, легко расстраивался, столкнувшись с изменениями к худшему у погоды, которые грозили лишить его света. Болезни он считал «самым страшным земным злом», но, с другой стороны, верил, что страдания придают «характеру двойную силу». Разговаривать о своих болячках Гёте не любил, считая, что «только здоровье достойно упоминания».

Вдобавок к болезням, И. В. Гёте хлебнул лиха и от воспитания. Его обучали родители — весьма «странным» образом. Лишь год он провел в обычной школе, затем ему была предложена затейливо составленная программа «авторского воспитания». По идее отца, ему надо было сразу изучать шесть языков, а также фехтование. Впрочем, еще там был и французский театр, которым мальчик страстно увлекся. Но в том, что касается остального, то он, право, не мог бы сказать, что ему нужно для жизни и без чего он сможет обойтись.

После этого И. В. Гёте ожидала новая порция неприятностей: его отправили из родного городка, который был «слишком провинциален», на учебу в Лейпциг, который был больше европеизирован. Отец решил, что И. В. Гёте должен здесь усвоить право. Но после легкого домашнего обучения «всему сразу» юноша не смог сразу сосредоточиться на педантичной учебе юриста. Он заболел в Лейпциге в июне 1768 г. В «Поэзии и правде» он говорит, что к негативным телесным проявлениям много добавила ипохондрия. Именно она усилила боли в груди, которые возникли неведь от чего: то ли они были напоминанием о падении с лошади, то ли были связаны с аварией кареты у Ауэрштадта, то ли

просто были следствием деятельного увлечения Ж.-Ж. Руссо, который велел жить в соответствии с Природой: спать без отопления и утром плескаться в холодной воде (о нерациональном питании мы уже не говорим). В результате у И. Г. Гёте горлом пошла кровь. Он поехал болеть на родину. Болезнь затянулась и несколько месяцев держала И. В. Гёте между жизнью и смертью. Образовался нарыв на шее, который пришлось вскрыть. Не утихали желудочные боли. О болезни сообщается намеками, так что некоторые комментаторы подозревают венерическую болезнь, но их аргументы неубедительны. Скорее, речь идет о туберкулезе легких и лимфатических желез шеи, который усугубился симптомами в области желудочно-кишечного тракта. Для нас медицинский диагноз не важен — важно лишь затянувшееся на несколько месяцев ипохондрическое настроение. И. В. Гёте не просто чувствовал тоску в былом, поскольку не мог выполнить желание отца, но и представлял ее в будущем: ведь надо было снова ехать учиться праву на чужбине.

Второй этап биографии начался путешествием в Страсбург, предпринятым в 1770 г. для получения юридического образования. На этот раз чуждую отцовскую мечту удалось исполнить: И. В. Гёте защитил диссертацию и получил академическую степень лиценциата права. Но занятие изучением «чужого» теперь уже с лихвой перекрываются штудированием «своего». И. В. Гёте занимается литературой и сопутствующими делами, а также изучает медицину (как же без знания ее быть ипохондрику!) Кроме того, он знакомится с И. Г. Гердером, от которого приходит увлечение народной поэзией. Конечный итог: И. В. Гёте вызревает к подлинному существованию и — пока только как литератор — становится одним из ярких представителей «штюрма унд дранга».

Мы оставим в стороне разбор этого течения, потому что у немецких филологов он чересчур сложен. Надо упомянуть множество имен, а они различаются позиционно и декларативно. Поэтому с точки зрения философии искусства мы ограничимся указанием того, что сильное влияние на немецких «штюрмеров и дрангеров» оказало учение Ж.-Ж. Руссо. Хотя и иноземное, оно увлекало немцев тем, что призывало в жизни своей служить Природе, а не какому-то Богу. (Не случайно состоялось перезахоронение праха Ж.-Ж. Руссо в годы Великой французской революции в центре Парижа, которое означало признание его философским отцом этого бунта.) Ключевым было утверждение, что Природа изначально заставила всех жить «естественно», соблюдая «естественные права человека». Главные их черты — Счастье, Равенство и Братство.

Но при этом «штюрмеры и дрангеры» вовсе не полагали, что Природа уравнивает всех в человечестве. Она просто предоставляет всем равные стартовые возможности. Тот, кто это понял, воцаряется над животным простонародьем, которое механически занято только своим размножением. Просвещенные представители «штюрма и дранга» чувствовали себя гениальными субъектами, которые наблюдают сторонним взглядом за естественными кознями Природы,

тасующей всех «человеков» — как, впрочем, и все иные живые существа. Именно эта сторонняя позиция и выделяет их из «биомассы». Авторы «штюрма и дранга» чувствовали себя учеными — гениями, «просвещенными близостью к Природе». Если ранее некоторые священнослужители — в противовес пастве — объявляли себя «соработниками» Бога, то представители «штюрма и дранга» теперь претендовали на служение Природе, на признание себя ее «соработниками». (Эта тенденция сохранилась и ныне — в виде «обслуживания» и «сбережения» Природы «зелеными».)

Светские «приверженцы» Природы были призваны защищать ее — в качестве «гениев», но это отнюдь не мешало им потешаться над «заурядным биоматериалом». Молодой И. В. Гёте, выступая с лекцией, указал на слушающую его «тупую массу», которую должна разогнать первая же его речь, хотя «он еще и не начал ее». Пусть она выйдет вон и займется размножением — только на это она, как «генетический мусор», и способна. А мы — наблюдатели и регуляторы, обеспечивающие этот процесс. Симпатизантами И. В. Гёте должны стать «гении», ныне именуемые «менеджерами». Именно они прониклись бы симпатией к юному Вертеру (даже малая книга о нем возвысила И. В. Гёте и сделала его знаменем «штюрма и дранга»). Молодой Вертер покончил с собой, не вынеся «естественности» своей чувственности в ее противостоянии несправедливой организации общества. Но придет время, и постепенно такие «вертеры» будут брать верх даже в немецких землях — и настанет такой момент, когда им будет предоставлено право «приводить Всех к Природе».

(Примечательно, что Наполеон Бонапарт, завоевав немецкие земли, повелел устроить ему встречу с И. В. Гёте — и тут же стал вспоминать, как он в молодости обливался слезами, читая книгу о Вертере. Он, ныне правитель Империи, происходил из семьи небогатого дворянина, которая пристроила его в артиллерийский колледж только потому, что он прекрасно знал математику. Но вовсе не она вдохновляла Наполеона Бонапарта. Он интересовался применением математики — для всеобщей организации жизни в мире. Даже транспорт был просчитан по указанию Наполеона Бонапарта для русского похода, включая модернизированные телеги и матерых иноземных тяжеловозов; это позволяет по достоинству оценить идею М. И. Кутузова о борьбе с нашествием Наполеона посредством партизан из гусаров и местных жителей — то есть противоборствуя «логистике» армии врага. Но во время приема И. В. Гёте Наполеон расчувствовался, потому что вовсе не математика составляла предмет его исканий; он предложил ему в Париже писать биографию Цезаря!)

Итак, год 1774-й — это, в нашей схеме, конец второго этапа и начало третьего. Здесь всякого рода пограничные ситуации окончательно оформляются в великий протест против бессмысленности Бытия. Венчает этот период биографии выпуск в свет «Страданий юного Вертера». Сам И. В. Гёте признавал, что эта книга «была написана кровью его сердца». Она представляла

собой манифест, хотя в основу ее сюжета была положена реальная история, которая произошла не с автором. Не обошлось и без скандала: осенью 1774 г. И. В. Гёте выставил книгу на ярмарке — и ее (книгу) запретили как «опасную для общественной нравственности»; приличия требовали, чтобы каждый молодой человек держал себя в руках и, несчастно влюбившись, не накладывал на себя руки!

Казалось бы, прыжок в пропасть безосновности налицо... Но тут в жизни И. В. Гёте встретила одна женщина, которая прибрала его к рукам — причем навсегда! Это была не жена и даже не любовница. Это была женщина, которая на протяжении почти 50 лет давала ему работу.

Герцогиня Анна Амалия Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1739–1807) вышла замуж за герцога Эрнста Августа II Саксен-Веймар-Эйзенахского (1737–1758) — и рано овдовела, но отнеслась к этому с аристократическим стоицизмом. Состояния герцогини современные девушки не поймут. Ведь муж ее умер в 20-летнем возрасте, а вдова его осталась одна с сыном, да вдобавок беременной вторым ребенком — в 19 лет!

Но современным девушкам следует напомнить, что в разные века правила бракосочетаний меняются, причем в каждом социальном слое они свои. Титул герцогини проще всего было заслужить, только выйдя замуж за герцога. Род герцогов Саксен-Ваймар-Эйзенахских был известен тем, что предки в нем умирали рано. Поэтому сразу же после того, как муж Анны Амалии достиг совершеннолетия, он удостоился звания герцога (в 1756 г.) — и быстро женился. В 1757 г. был рожден первый сын. В 1758-м был зачат второй — но отец умер, не дождавшись его рождения.

Император, сообразно календарю, признал герцогиню совершеннолетней — и, значит, возложил на нее обязанности регентства. До достижения ее сыном совершеннолетия Анна Амалия должна была править своими владениями — шестнадцать лет! (Правда, владения были невелики — в них жило 110 000 человек, а культурная столица — Веймар — насчитывала 7 тысяч жителей.)

Такой судьбе Анны Амалии способствовало родство с правителем Берлина: она была племянницей великого государя-просветителя — Фридриха Великого. Тот не только создал в Берлине политическую, научную и культурную империю, но написал и собственноручно исполнил множество пьес для флейты (они до сих пор входят в репертуар современных оркестров).

Позднее, в мемуарах, Анна Амалия вспоминала, что начало ее герцогства воспринималась ею как «тьма и одиночество», но постепенно она обрела самостоятельность. Заботясь о воспитании своих сыновей, она пригласила и поселила во дворце воспитателя-просветителя, чтобы тот выполнял роль «старшего мужчины». Но когда старший сын достиг возраста 17 лет, Анна Амалия, путешествуя в его обществе, подумала, что ему мог бы понадобиться

просветитель помоложе. И. В. Гёте потому и получил приглашение в Веймар, что он — старше ее сына на семь лет — был уже известен как писатель, но держал себя с молодежью свободно.

Здесь и созрело приглашение: как только власть по возрасту перейдет к сыну, достигнутому совершеннолетия, И. В. Гёте тотчас же придет к ним в Веймар — и станет видным политиком.

Так и начался третий период в жизни И. В. Гёте — изначальный этап политической деятельности его в Веймаре (всею она длилась пятьдесят лет, но этот первый был особым — в нем не было времени на художественное творчество). Потому мы ограничимся замечанием, что Анна Амалия после восшествия сына на герцогский престол вовсе не отошла от власти — наоборот, она всю свою жизнь посвятила культуре! (А это — учитывая особенности тех времен — и было наиболее важным делом!) И. В. Гёте, с одной стороны, чувствовал себя старшим советником при новоиспеченном герцоге — они шалили, бия посуду с выбрасыванием оной из окна к празднику, но зато и неслись верхами на пожар — прямо после дворцового вечера, в парадном виде, чтобы участвовать в противоборстве с огнем. За 16 лет регентства Анна Амалия не раз сожалела о сильной мужской руке — в частности, властно проводившей твердую мужскую волю.

И. В. Гёте, приступив к исполнению своих обязанностей, обнаружил, что самый большой расход для герцогства составляет его карликовая армия — что-то вроде разросшейся дружины. (Он сократил это микровойско до половины.) Кроме того, надо было искать финансовые источники для жизни герцогства. И. В. Гёте указали, что на его землях находится заброшенный рудник, где добывали серебро. Он развил бурную активность — приезжал в Ильменау более двадцати раз. По герцогству поползли слухи, что надо купить его ценные бумаги, которые издаст власть, — и тогда все будут купаться в серебре. Но никакие научные эксперименты богатства вкладчикам не принесли. Еще один проект — в вечном желании свести концы с концами — представляло стремление усовершенствовать дороги. Они худо-бедно служили только летом. В остальное время их размывало. Через герцогство путь был недолог, но уж очень опасен: в огромные ямы проваливались кареты, гибли и извозчики, и пассажиры.

И. В. Гёте в первое десятилетие своей работы ровно ничего не написал — он с колоссальной неохотой занимался экономией денег, просто мечтая о том, чтобы от этой его жизни остались лишь несколько секунд счастья. Намеки на алхимические занятия доктора Фауста — это не вымыслы, а всего лишь иносказания про рудник Ильменау. И рассказ о военных событиях — вернее, о событиях во время войны, у поля боя, в снабженческих заботах, — это тоже о себе самом. И о слепоте, когда из-за опыта он почти на 100 процентов лишился зрения — тоже о нем. А ведьмы с их совещанием — когда они подсылают самую жуткую из них, Заботу, чтобы она пробралась к Фаусту сквозь дверь и плюнула в глаз — это только на вид немецкие поверья, а так — чистый реализм.

И. В. Гёте в 1797 г. достиг полного расцвета. Он был политиком, и настолько удачным, что в 1782 г. его произвели в дворяне — он стал именоваться И. В. фон Гёте. Несмотря на молодой возраст, он — как политик — мог вмешаться в решение любого вопроса, который ему поручался, потому что всё это были вопросы неразрешимые. Он применял все свои таланты для решения тех проблем, от которых люди старшего и среднего возраста уже отступились. Итак, уже в 1782 г. — то есть в 33 года! — И. В. Гёте, как самый младший из членов Тайного совета, выслужил себе дворянство.

Наступает, наконец, четвертый период, который школярская культурология называет классическим. И. В. Гёте окружил себя людьми, создающими культуру. Он удалился от дел, непосредственно связанных с практикой. Он, с другой стороны, ведает всеми заведениями, которые непрерывно заняты воспроизведением культуры. Он, собственно, все воплотил сам — исполнил вековую мечту всех «штюрмеров и дрангеров». Отчего, казалось бы, не считать этот мир раем? Но... Здесь-то и возникает самая страшная драма. В раю должен быть только один дух, который объемлет всё. Это должен быть Абсолютный Дух. Но Гёте с давних пор чувствует, что с его порывистостью он никак не может претендовать на эту роль. Ему нужны те, кто похож на него. Стоит ему что-то наладить, как он уже тяготится этим — ему надобно заниматься другим. Он никак не может сосредоточиться на чём-то одном, потому он не годится в принципе на роль Универсального Хранителя — Мирового Духа.

Знакомая дама устраивает ему встречу с Ф. Шиллером. Они становятся закадычными друзьями, которые отныне встречаются ежедневно. Но частота общения не оправдывает противоречий — они просто воспринимаются с толерантностью. На памятнике, который немцы поставили двум гениям в Веймаре, они проявили хитроумие. Они, во-первых, уравнили их в росте: И. В. Гёте был ростом ниже Ф. Шиллера сантиметров на двадцать. Во-вторых, они почти уравнили их в возрасте — сделали практически ровесниками. Когда оба литератора возглавили движение «штюрмеров и дрангеров», их разделяло десять лет. И. В. Гёте тогда с досадой вспоминал об этом: еще один соперник притязал на его славу. Теперь, спустя многие десятилетия, эта возрастная дистанция казалась несущественной, а воспоминания о былом грели душу. Отношение между немецкими классиками было полно иронии — и всепрощения. Ф. Шиллер легко узнавал в «состоявшемся» И. В. Гёте, отстраненном и высокомерном, некую «гордую скромницу», которую «нужно превратить в ребенка». И. В. Гёте, в свою очередь, видел в Ф. Шиллере некоторого искусного поэта, который, возможно, где-то превосходил его в словесном мастерстве. Но он надеялся сразить его философией, которая умело подводилась им под свою поэзию.

За это поэты многое прощали друг другу. Ф. Шиллер прощал мезальянс И. В. Гёте, который прожил со своей женой — бывшей служанкой — почти 18 лет, прежде чем женился на ней. Когда Ф. Шиллер жил в доме у И. В. Гёте,

эта жена, Кристиан Вульпиус, вместе с сыном, который был рожден от И. В. Гёте, — как бы прятались в глубинах родимой обители, а Ф. Шиллер, пользуясь этим, критиковал И. В. Гёте за недооценку духовности светских дам. Ф. Шиллер, когда проживал в том же доме, держался своего внутреннего распорядка — то есть спал до полудня, а работал по ночам. Это раздражало. И. В. Гёте беспокоила страсть Ф. Шиллера к карточным играм и курению табака, и он, полный ехидства, замечал, что полное дарование Ф. Шиллера раскрывается в стихах лишь тогда, когда он чувствует запах прогнивших яблок, которым он провонял всё вокруг себя.

Они даже умирали рядом, буквально через стену, обнадеживая друг друга записками. Ф. Шиллер и вправду умер тогда — от туберкулеза, а И. В. Гёте выздоровел. Но после смерти Ф. Шиллера он сказал, что потерял от этой утраты половину своего имени, а возможно, и всего себя.

Из этого, последнего, этапа необходимо особо вспомнить и состязание в притчах. Это было состязание поэтов, на которое поэт И. В. Гёте не решился бы на первых этапах. Но, во-первых, Ф. Шиллер был не только драматургом, пишущим для веймарского театра, но и литературным редактором; имя его было как знамя. С 1796-го по 1800 г. Ф. Шиллер издавал Альманах муз (Musenalmanach), в котором, в частности, сотрудничали И. В. Гёте, И. Г. Гердер, Ф. Гельдерлин и А. В. Шлегель. И вот ведь что имеется в виду: все прочие — кроме И. В. Гёте — отнюдь не имели никаких политических прав и государственного сана. Они просто представляли Просвещение. А И. В. Гёте представлял деятельное просвещение. Просвещение в действии. И ему, во-вторых, не следовало отставать. Пусть Ф. Шиллер обрел славу поэта. Но эта несчастная пиитическая слава не имеет ничего против философской славы И. В. Гёте: он, как человек серьезный, на легкость пиитическую не уповает, а зрит глубоко, в корень, — в корень Природы.

Это будет на самом деле завоеванный для себя самого честным трудом возврат к философии Ж.-Ж. Руссо, к самой заре «штюрма и дранга».

Вот подлинник написанной И. В. Гёте в 1797 г. легенды «Бог и баядера».

DER GOTT UND DIE BAJADERE (Indische Legende)

Mahadöh, der Herr der Erde,
Kommt herab zum sechsten Mal,
Daß er unsersgleichen werde,
Mitzufühlen Freud und Qual.
Er bequemt sich, hier zu wohnen,
Läßt sich alles selbst geschehn.
Soll er strafen oder schonen,
Muß er Menschen menschlich sehn.

Und hat er die Stadt sich als Wanderer betrachtet,
Die Großen belauert, auf Kleine geachtet,
Verläßt er sie abends, um weiterzugehn.

Als er nun hinausgegangen,
Wo die letzten Häuser sind,
Sieht er, mit gemalten Wangen,
Ein verlornes schönes Kind.
»Grüß dich, Jungfrau !« — »Dank der Ehre!«
Wart, ich komme gleich hinaus.« —
»Und wer bist du?« — »Bajadere,
Und dies ist der Liebe Haus.«
Sie rührt sich, die Zimbeln zum Tanze zu schlagen,
Sie weiß sich so lieblich im Kreise zu tragen,
Sie neigt sich und biegt sich und reicht ihm den Strauß.

Schmeichelnd zieht sie ihn zur Schwelle,
Lebhaft ihn ins Haus hinein:
»Schöner Fremdling, lampenhelle
Soll sogleich die Hütte sein.
Bist du müd, ich will dich laben,
Lindern deiner Füße Schmerz.
Was du willst, das sollst du haben,
Ruhe, Freuden oder Scherz.«
Sie lindert geschäftig geheuchelte Leiden.
Der Göttliche lächelt; er siehet mit Freuden
Durch tiefes Verderben ein menschliches Herz.

Und er fordert Sklavendienste;
Immer heitrer wird sie nur,
Und des Mädchens frühe Künste
Werden nach und nach Natur.
Und so stellet auf die Blüte
Bald und bald die Frucht sich ein;
Ist Gehorsam im Gemüte,
Wird nicht fern die Liebe sein.
Aber, sie wird schärfer und schärfer zu prüfen,
Wählet der Kenner der Höhen und Tiefen
Lust und Entsetzen und grimmige Pein.

Und er küßt die bunten Wangen,
Und sie fühlt der Liebe Qual,
Und das Mädchen steht gefangen,
Und sie weint zum erstenmal,
Sinkt zu seinen Füßen nieder,
Nicht um Wollust noch Gewinnst,
Ach! und die gelenken Glieder,

Sie versagen allen Dienst.
Und so zu des Lagers vergnüglicher Feier
Bereiten den dunklen, behaglichen Schleier
Die nächtlichen Stunden, das schöne Gespinst.

Spät entschlummert unter Scherzen,
Früh erwacht nach kurzer Rast,
Findet sie an ihrem Herzen
Tot den vielgeliebten Gast.
Schreiend stürzt sie auf ihn nieder;
Aber nicht erweckt sie ihn,
Und man trägt die starren Glieder
Bald zur Flammengrube hin.
Sie höret die Priester. die Totengesänge,
Sie raset und rennet und teilet die Menge.
»Wer bist du? Was drängt zu der Grube dich hin?«

Bei der Bahre stürzt sie nieder,
Ihr Geschrei durchdringt die Luft:
»Meinen Gatten will ich wieder!
Und ich such ihn in der Gruft.
Soll zu Asche mir zerfallen
Dieser Glieder Götterpracht?
Mein! er war es, mein vor allen!
Ach, nur Eine süße Nacht!«
Es singen die Priester: »Wir tragen die Alten,
Nach langem Ermatten und spätem Erkalten,
Wir tragen die Jugend, noch eh sie's gedacht.

Höre deiner Priester Lehre:
Dieser war dein Gatte nicht.
Lebst du doch als Bajadere,
Und so hast du keine Pflicht.
Nur dem Körper folgt der Schatten
In das stille Totenreich;
Nur die Gattin folgt dem Gatten:
Das ist Pflicht und Ruhm zugleich. —
Ertöne, Drommete, zu heiliger Klage!
O nehmet, ihr Götter! die Zierde der Tage,
O nehmet den Jüngling in Flammen zu euch!«

So das Chor, das ohn Erbarmen
Mehret ihres Herzens Not;
Und mit ausgestreckten Armen
Springt sie in den heißen Tod.
Doch der Götterjüngling hebet
Aus der Flamme sich empor,

Und in seinen Armen schwebet
Die Geliebte mit hervor.
Es freut sich die Gottheit der reuigen Sünder;
Unsterbliche heben verlorene Kinder
Mit feurigen Armen zum Himmel empor.

<1797>

Никакой русский исследователь не забудет о том, что в 1867 г. — почти век спустя — ее перевел блестящий поэт А. К. Толстой. У нас есть и важный повод вспомнить этот перевод — по нему видно, что именно след христианского вероучения оно хранит на себе, а вовсе не тот требуемый «штюрмерами и дрангерами» возврат к индуистскому Природотеизму.

А. К. Толстой

БОГ И БАЯДЕРА

Индийская легенда

Магадев, земли владыка,
К нам в шестой нисходит раз,
Чтоб от мала до велика
Самому изведать нас;
Хочет в странствование трудном
Скорбь и радость испытать,
Чтоб судьбою правосудным
Нас карать и награждать.
Он, путником город обшедши усталым,
Могучих проникнув, прислушавшись к малым,
Выходит в предместье свой путь продолжать.

Вот стоит под воротами,
В шелк и в кольца убрана,
С насурмленными бровями,
Дева падшая одна.
«Здравствуй, дева!» — «Гость, не в меру
Честь в привете мне твоём!»
«Кто же ты?» — «Я баядера,
И любви ты видишь дом!»
Гремучие бубны привычной рукою,
Кружась, потрясает она над собою
И, стан изгибая, обходит кругом.

И, ласкаясь, увлекает
Незнакомца на порог:
«Лишь войди, и засияет
Эта хата как чертог;

Ноги я твои омою,
Дам приют от солнца стрел,
Освежу и успокою,
Ты устал и изомлел!»
И мнимым страданиям она помогает,
Бессмертный с улыбкою все примечает,
Он чистую душу в упавшей прозрел.

Как с рабынею, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув ковы,
Все покорней и нежней,
И невольно, в жажде вящей
Унизительных услуг,
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.
Но ведатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Чрез негу, и страх, и терзания мук.

Он касается устами
Расписных ее ланит —
И неожиданными слезами
Лик наемницы облит;
Пала ниц в сердечной боли,
И не надо ей даров,
И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.
Но солнце заходит, и мрак наступает,
Убранное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.

На заре, в волненье странном,
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным
Видит с ужасом она.
Плач напрасный! Крик бесплодный!
Совершился рока суд,
И брамины труп холодный
К яме огненной несут.
И слышит она погребальное пенье,
И рвется, и делит толпу в исступленье...
«Кто ты? Чего хочешь, безумная, тут?»

С воплем ринулась на землю
Пред возлюбленным своим:

«Я супруга прах объемлю,
Я хочу погибнуть с ним!
Красота ли неземная
Станет пеплом и золой?
Он был мой в лобзаннях рая,
Он и в смерти будет мой!»
Но стих раздается священного хора:
«Несем мы к могиле, несем без разбора
И старость и юность с ее красотой!

Ты ж ученью Браммы веруй:
Мужем не был он твоим,
Ты зовешься баядерой
И не связана ты с ним.
Только женам овдовелым
Честь сожженья суждена,
Только тень идет за телом,
А за мужем лишь жена.
Раздайтесь, трубы, кимвалы, гремите,
Вы в пламени юношу, боги, примите,
Примите к себе от последнего сна!»

Так, ее страданья множа,
Хор безжалостно поет,
И на лютой смерти ложе,
В ярый огонь, она падет;
Но из пламенного зева
Бог поднялся, невредим,
И в его объятьях дева
К небесам взлетает с ним.
Раскаянье грешных любимо богами,
Заблудших детей огневными руками
Благие возносят к чертогам своим.

Август — сентябрь 1867

Юмор аристократа-поэта А. К. Толстого — одного из соавторов, сотворивших К. Пруtkова, — проскальзывает уже в первых строках. В отличие от Христа, который приходил на землю с небес один раз, Магадев спускается к нам «в шестой раз». Зачем? «Чтоб от мала до велика самому изведать нас»? И, чтобы никому не было повадно интерпретировать эти строки, поэт тут же приводит их «приличное» истолкование, подразумевает испытание духовное. А ведь, между тем, речь идет об испытании телесном...

О предыдущих испытаниях поэт-переводчик как-то не сообщает. Бог как прародитель Жизни на Земле, должен, как сообщается им, *судить людей*. Не знаю, каким образом прореагировали бы иудейские и христианские теологи

на тезис о том, что их боги, к примеру, намереваясь судить людей, шесть раз спустились бы к ним и, воплотившись в них, попытались бы вникнуть в их душу и тело.

Об этом никто из теологов просто не говорит, боясь оскорбить богов. Ни Бог-Отец, который судит, то есть вручает Моисею исходный законник, ни Бог-Сын, который страдает безмерно, но не судит никого, не пытаются изобразить вочеловечение свое как способ проникнуться человеческими страстями и желаниями.

Творец всей Жизни отнюдь не желал предстать перед девушкой как бог. Он принял вид *заурядного человека*. И не на окраине городка — как бы мимоходом — он решил сделать для девушки испытание. Нет! Ему было важно знать, несколько эта девушка относится к своему происхождению от Природы, от Жизни.

У И. В. Гёте это звучит именно так: Бог в своем перерождении увидел в окне ее служебного (?) дома — «с подведенными краской щеками потерянного прекрасного ребенка». И он, обращаясь к ней, назвал ее «девой» — именно как «вчерашнего ребенка». Как бы возвеличивая ее таким образом — то есть не имея по «специальности». Потому и получает приглашение подняться к ней.

А вот А. К. Толстой, напротив, спешит окрестить ее «падшей», словно бы прикрепляя к ней профессиональную метку. А ведь он прекрасно знает, что девушки, которые принадлежат в Индии к «демимонденткам», отнюдь не ломают себя. Они — как члены своей касты — с самого детства готовятся к своей судьбе представительницами более опытных, старших поколений. Те обучают их по книгам, готовят к наиболее технологичным приемам, стилям, преподают правила техники безопасности — словом, осуществляют профессиональную подготовку.

Поэтому у И. В. Гёте «девушка» сразу же предлагает страннику *обслуживание*: «Приходи ко мне, и комната тотчас же станет светящейся, как от света ламп; если ты устал, то я стряхну с твоих век тяготы, и ты будешь иметь то, что захочешь, — покой, радость или шалости».

Весь набор налицо: секс как покой, секс как радость или секс как шалость. (Предоставим читателям самим судить, насколько различны эти виды секса.) При этом, конечно, у девушки есть приемы и правила, технологии и искусства, включая биение в бубен (!). И она готова применить все их — по желанию клиента.

Бог понимает, что это вчерашнее дитя *миновало* свою девственность. Она лишилась ее в профессиональных руках, поскольку ее готовили к кастовой миссии отнюдь не мужчины, а, скорее, сами жрицы. Она не лишилась *девственности* — как ей то велела Природа-Естество. Ей было положено не прислуживать при «покое», «радости» и «шалости», а испытать в самом начале покорную и скромную самоотдачу, полную муки.

Именно этого он от нее и требует — отчего и умирает. Она слабеет под его природным напором, который требует его жарких усилий, она пробуждается к природному началу, у нее возникает — в первый раз! — девичья застенчивость, страсть и послушание.

Бог превращает профессиональную демимондентку в невинную девушку!

И она чувствует, что ни один член ее тела уже не действует так, как ее учили, — она снова становится невинной и плачет в первый раз от такого «натурального подхода».

Именно это и заставляет ее бросаться в костер, на котором горит тело ее мужа, — чтобы они, слившись воедино и душой и телом, воспарили в небеса².

Последний этап жизненного пути И. В. Гёте — это снисходительное воспоминание о том «природотеизме» в среде друзей по прошлому, которому они столь восхищенно предавались на первом этапе, но который теперь уже стал невозможным, запрещенным, проклятым во времена господства Наполеона. Именно потому Наполеон, пригласив к себе И. В. Гёте, вспомнил про те слезы, которыми он обливался над «Страданиями Вертера», а потом позвал его писать вдвоем пьесу о Цезаре. Они оба знали, что это не сбудется. Прекрасные мечты, о которых ты только грезишь, когда тебя уже влекут к другим делам годы старости!

Список литературы

- Перцев 2016 — *Перцев А. В.* Актуальность Гете: конец Просвещения // EINA: Философия. Религия. Культура. 2016. Т. 5. № 1/2. С. 7–23.
- Bollmann 2021 — *Bollmann S.* Der Atem der Welt. Johann Wolfgang Goethe und die Erfahrung der Natur. Stuttgart : Klett-Cotta, 2021. 656 S.
- Brendel 2020 — *Brendel A.* Goethe, Musik und Ironie // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2020. 20 November. S. 12.
- Goethe 2008 — *Goethe J. W.* Maximen und Reflexionen. Köln : Anaconda Verlag, 2008. 252 S.
- Heidegger 2009 — *Heidegger M.* Gesamtausgabe : in 98 Bdn. Bd. 71 : Das Ereignis. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2009. 368 S.
- Knebel, Maul, Schmuck 2019 — Abenteuer der Vernunft. Goethe und die Naturwissenschaften um 1800 / Hrsg. von K. Knebel, G. Mau, Th. Schmuck. Dresden : Sandstein, 2019. 424 S.

References

- Bollmann, S. (2021), *Der Atem der Welt. Johann Wolfgang Goethe und die Erfahrung der Natur*, Klett-Cotta, Stuttgart, 656 S.
- Brendel, A. (2020), “Goethe, Musik und Ironie”, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 20 November, S. 12.
- Goethe, J. W. (2008), *Maximen und Reflexionen*, Anaconda Verlag, Köln, 252 S.
- Heidegger, M. (2009), *Gesamtausgabe, in 98 Bdn., Bd. 71, Das Ereignis*, Vittorio Klostermann, Frankfurt am Main, 368 S.

² Подробно о влиянии творчества «позднего» И. В. Гёте на его мировоззрение и политику см. в статье: [Перцев 2016].

- Knebel, K., Maul, G. und Schmuck, Th. (Hrsg.) (2019), *Abenteuer der Vernunft. Goethe und die Naturwissenschaften um 1800*, Sandstein, Dresden, 424 S.
- Pertsev, A. V. (2016), Actuality of Goethe: the End of Enlightenment, *EINAI: Philosophy. Religion. Culture*, vol. 5, no. 1/2, pp. 7–23 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 5.11.2021

Принята к публикации / Accepted: 25.11.2021

Информация об авторе

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: apertzev@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-7711-5098

Information about the author

Pertsev, Aleksandr Vladimirovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: apertzev@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-7711-5098